

© 2011 г.

Н.К. КАПИТОНОВА

“ПУТЕШЕСТВУЯ” С ТОНИ БЛЭРОМ ПО СТРАНИЦАМ ЕГО МЕМУАРОВ

В 2010 г. вышли в свет широко разрекламированные мемуары бывшего британского премьер-министра Тони Блэра под названием “Путешествие”¹. Планируемые им не иначе, как бестселлер № 1, мемуары не вызвали слишком большого ажиотажа, по крайней мере, уже в сентябре они продавались вполтину заявленной первоначально цены.

О чем поведал нам этот так славно начинавший, но бесславно закончивший свое “путешествие” британский премьер? На каких достижениях непрерывного десятилетнего правления сделал акценты, что попытался задним числом подправить, за что попросил прощения, о чем умолчал?

Блэр сосредоточил внимание на основных событиях своего десятилетнего правления: парламентских выборах 1997 г., трагической гибели принцессы Дианы, войне НАТО против Югославии, войнах в Афганистане и Ираке, взаимоотношениях в правившем страной тандеме (Блэр – Браун).

* * *

“Путешествие” по бурному десятилетию начинается с парламентских выборов 1997 г. – эпохального события в истории страны, когда после 18-летнего пребывания в оппозиции лейбористская партия одержала знаменательную победу и вернулась к власти.

Блэр сообщает, что предчувствовал победу, в отличие от многих других членов партии, которые уже почти поверили в то, что “по какой-то дьявольской воле лейбористам, что бы они ни предпринимали, не разрешено побеждать на выборах”. Ошибкой своего предшественника на посту премьер-министра Дж. Мэйджора он считает проведение длительной – трехмесячной – предвыборной кампании, которая стала излишне “долгой, нервной, полной дутых взлетов и падений, шокирующих результатов голосований и пугающих событий”. Тори “буквально развалились на части. Каждый раз, когда Мэйджор пытался собрать их на передовой, кто-либо из его коллег подавал в отставку, произносил что-либо глупое, оказывался замешан в скандале, а очень часто и то, и другое, и третье, а иногда это все случалось с одним человеком”.

Путь от лидера оппозиции до премьер-министра занял у Блэра всего три года. Долгожданная победа на выборах, которую он называет “политическим землетрясением”, немного напугала: она была настолько ошеломляющей по своим результатам, что в какой-то момент он даже подумал, что почти полностью уничтожив консерваторов, “совершил нечто неконституционное” (с. 6) (лейбористы получили рекордное –

Капитанова Наталия Кирилловна – доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ.

¹ *Blair T. A Journey. London, 2010.*

“сейсмическое” – большинство в 179 мест, вернули округа, долгие годы принадлежавшие тори. Более того, консервативная партия вообще превратилась в региональную партию, так как ни один тори не был избран от Шотландии и Уэльса). Страх победителя был также связан с осознанием того, что “это не просто другая стадия путешествия. Мы вступали на новую и незнакомую территорию” (с. 5).

Бывший премьер с теплотой вспоминает о своих родителях. Он пытается разобраться, почему отец, который оказал на него очень сильное влияние, стал консерватором, и объясняет это так: будучи бедным, рабочего происхождения (дед был такелажником на судоверфи в Глазго), он хотел подняться выше по социальной лестнице, хотел, чтобы дети достигли в жизни большего. Поэтому и Тони отдали в привилегированную школу Феттес, которая считалась лучшей школой Шотландии.

Мама, в отличие от отца, была “скромной, очаровательной, женственной и стеснительной”. Она поддерживала амбиции мужа, но иногда признавалась сыну, что не разделяет взгляды тори. Ее смерть от тяжелого заболевания стала серьезной утратой для 22-летнего выпускника Оксфорда. “Я вспоминаю ее каждый день”, – пишет Блэр (с. 9).

В парламент Блэр попал впервые благодаря своему тестю, известному актеру Т. Буту, знавшему многих депутатов, в том числе Т. Пендри, который согласился встретиться с молодым адвокатом. Когда Блэр оказался в здании парламента, его словно “поразило молнией” – он понял, что именно здесь он хочет быть, и предчувствие подсказывало, что он здесь будет: “Это моя судьба. Это мой политический дом. Я буду делать все, чтобы попасть сюда” (с. 34). Не будучи “человеком палаты общин” (другими словами, политиком, не представляющим своей жизни вне парламентской деятельности), Блэр признается, что сейчас испытывает ностальгию, скучает по парламенту.

Одним из важных шагов на посту лидера лейбористов была знаменитая отмена пункта 4 Устава партии, касавшегося национализации. К середине 90-х годов этот пункт, как считает Блэр, уже утратил свое значение, но никто не осмеливался замахнуться на его пересмотр. Новый лидер был намерен “стать архитектором чего-то революционного, преобразующего и неоспоримого” (с. 84), и пересмотр 4-го пункта подошел как нельзя кстати, ибо это, по его мнению, способствовало бы изменению психологического настроя в партии.

Блэр фактически подтверждает то, о чем всегда говорили аналитики – что является чужаком в партии, и именно это помогло ему осуществить данную реформу. Будучи студентом, он не участвовал в деятельности Оксфордского Союза и студенческой политике, не был членом лейбористского клуба. Как известно, он также не участвовал в профсоюзном движении и общественных организациях. Про него говорили, что он взобрался на вершину не по лестнице внутри здания, а по стене. А тори даже сравнивали с известным персонажем из американского триллера – космическим чудовищем, внедрившимся в партию и переделывающим ее изнутри. Блэр понимает, что многие лейбористы проголосовали за него не потому, что разделяли его “видение партии”, а потому, что считали его “победителем” (с. 81). Именно на этих людей он и решил опереться.

Прежде всего он посвятил в свои замыслы членов ближайшего окружения – Н. Киннока, Дж. Стро, Г. Брауна. Будущий министр иностранных дел Р. Кук занял осторожную позицию, опасаясь, что такой шаг может расколоть партию. Действительно, после того как Блэр сообщил о своих планах делегатам партийной конференции, “в аудитории повисла тишина, было даже слышно, как у кого-то упали монеты” (с. 85). В противовес лидеру уже на следующий день по требованию профсоюзов конференция приняла резолюцию, подтверждающую пункт 4.

Угроза широкой внутрипартийной борьбы по этому вопросу не остановила Блэра: он был “настроен на борьбу и уход в случае проигрыша” (с. 95). Дискуссия в партии заняла полгода, но исход дела решила поддержка намечаемого пересмотра со стороны Дж. Прескотта, осуществлявшего связь с профсоюзами. А после того, как идею Блэра поддержала конференция Шотландской лейбористской партии, вопрос по существу был решен. Как известно, на специальной конференции лейбористской партии, прове-

денной в 1995 г., пункт 4 Устава партии был переформулирован, что было расценено многими профсоюзными активистами как подтверждение отхода руководства от традиционных лейбористских ценностей.

Блэр тепло вспоминает принцессу Диану, трагически погибшую в конце августа 1997 г. Он отмечает, что королевская семья взирала на ее образ жизни, далеко выходящий за допустимые для них рамки, “со смесью беспомощности и ужаса”. Принцесса, по его словам, была очень эмоциональной, “человечной и настроенной на общение с людьми на равных”. “Ее большое очарование заключалось в способности быть своей в любой компании”. Блэр часто говорил своему пресс-секретарю А. Кэмпбеллу – если бы Диана занималась политикой, даже такой признанный мастер пиара, как Клинтон, должен был бы остерегаться (с. 133).

Незадолго до смерти – в начале июля 1997 г. – Диана вместе с принцем Уильямом приезжала в загородную резиденцию Блэра Чекерс. Вообще-то визит намечался на июнь, однако советники премьера посчитали, что было бы неправильным встречаться с ней до того, как состоится встреча нового премьера с принцем Чарльзом. В беседе выяснилось, что у нее было большое желание сделать что-то для страны. В свою очередь, Блэр считал, что принцессе надо дать шанс сделать что-то грандиозное, переключив внимание публики с ее личной жизни. Во время прогулки по саду у них состоялся непростой разговор: Блэр осмелился поинтересоваться отношениями Дианы с Доди Аль Файедом. Это ей не понравилось, но об ответе принцессы автор умалчивает. “Хотя вначале в разговоре были непростые моменты, к концу он стал теплым и дружественным”. Блэр дал понять принцессе, “что станет для нее добрым другом” (с. 138).

Экс-премьер понимал, что похороны Дианы после ее трагической гибели в конце августа будут событием мирового масштаба: “это была необычная личность и необычная смерть, и реакция на нее будет необычной” (с. 137). Для него как премьер-министра было важно, чтобы страна выглядела в этой ситуации достойно.

Блэр допускает, что слова “народная принцесса”, которыми он охарактеризовал Диану, сейчас выглядят банальными, но считает, что она бы их одобрила: “именно в таком качестве она видела себя и хотела бы, чтобы так ее запомнили” (с. 139). В пользу Блэра следует сказать, что эта фраза сразу же сделала его национальным лидером – редко когда в британской истории кому-либо удавалось одной фразой так четко выразить чувства миллионов людей.

Описывая события, связанные с подготовкой похорон принцессы, Блэр подтверждает, что из-за бездействия Букингемского дворца “народный гнев все больше оборачивался против королевской семьи”. Он видел свою задачу в том, чтобы “защитить монархию, канализировать гнев, пока он не превратился в ярость, и в целом придать этому делу позитивный и объединяющий характер” (с. 143). Сложность положения Блэра состояла в том, чтобы не слишком выпячиваться, в противном случае ему бы пришлось столкнуться с нежелательной реакцией со стороны двора. По словам экс-премьера, там всегда предпочитали политических лидеров двух типов: представителей истеблишмента (тори) или “типичных” представителей лейбористской партии, которые говорили с акцентом и “отвечали их (членов двора. – *Н.К.*) представлению о том, как должны выглядеть подобные люди” (с. 144). На их фоне Блэр казался “нуворишем” и поэтому “вызывал подозрения”.

Когда непонимание между премьером и двором из-за расхождений по поводу похорон достигли высшей точки, Блэр решил позвонить принцу Чарльзу. С первой минуты разговора он понял, что этот контакт следовало установить с самого начала. Чарльз занимал такую же позицию, что и премьер-министр: он считал, что королевская семья должна прекратить затворничество, вернуться в Лондон, а королеве следует обратиться к народу. В результате их взаимодействия похороны принцессы прошли на высоком уровне, монархия была спасена, а рейтинг премьер-министра взлетел до 93%. В целом описание этого исполненного печали эпизода правления Блэра практически не отличается от того, что мы уже знаем по знаменитому фильму С. Фиррза “Королева”.

Большой интерес представляет рассказ Блэра об истории взаимоотношений со своим ближайшим соратником по партии и преемником на посту лидера и премьер-министра Г. Брауном. Он признает, что до определенного момента был «младшим» в этом тандеме. В 1992 г., когда после поражения партии на парламентских выборах с поста лидера ушел Н. Киннок, Блэр подбивал Брауна бросить вызов Дж. Смиту, который, по его словам, не был реформатором, а партия уже отчаянно нуждалась в обновлении (своего рода «инъекции молодости») (с. 52). Себя он видел заместителем лидера. Но Браун оказался излишне щепетилен, заявив, что Смит воспримет это как предательство. Впоследствии стало известно о достигнутой между ними задолго до выборов лидера договоренности о распределении руководящих постов. Стать заместителем Блэру также помешал Киннок, отдавший предпочтение Брауну и мотивировавший это поддержкой большинства членов парламентской фракции. Блэр знал, что это неправда: два шотландца на высших должностях в партии – это было бы уже слишком. В результате этой интриги ему достался пост теневого министра внутренних дел.

Интерес представляет и рассказ Блэра о том, как готовилась и осуществлялась знаменитая «делка» с Брауном (относительно того, кто из них пойдет на выборы лидера партии), ставшая темой одноименного кинофильма упоминавшегося выше С. Фрирза. Он оправдывает свое нежелание схлестнуться с Брауном на выборах опасениями неизбежного в таком случае окончательного размежевания между ними и превращения во врагов. Автор признает, что Браун многому научил его: «как понимать игры внутри лейбористской партии, за какие линии нельзя заходить в отношениях с профсоюзами, как произносить речь, когда замолкать, а когда включаться во внутрипартийную дискуссию». «Он научил меня делу политики, так же как Дерри (Ирвин – глава адвокатской фирмы, в которой работал Блэр после окончания университета, впоследствии – лорд-канцлер. – *Н.К.*) научил меня делу адвокатуры» (с. 68). Борьба с чувством «большой привязанности и лояльности» по отношению к Брауну в это «рисковое» время завершилась победой готового пойти на риск и «чувствовавшего движение тектонических плит» Блэра над «блестящим», но излишне «осторожным» теньвым канцлером (с. 60). Говоря другими словами, Блэр решил убрать сильного соперника, договорившись с ним.

Начинается серия тайных встреч с Брауном, происходивших подалее от парламента, – в доме двоюродной сестры Блэра, а затем и в доме давнишней подруги Аманды, первой девушки, принятой в школу Феттес в порядке эксперимента, которая была его первой любовью. Команды обоих переговорщиков настраивали их не уступать друг другу. Блэр упирал на свою популярность в партии: опросы показывали, что он опережал Прескотта, не говоря уже о Брауне.

Никакой «делки», как утверждает экс-премьер, не было. А было «понимание, что Браун станет лидером после меня». Он предполагал пробыть у власти два срока, а потом передать ее Брауну. Оставляя себе путь для отступления, Блэр ссылается на то, что в оппозиции характер лидера проявляется совсем не так, как при власти. Поэтому никаких гарантий Брауну он якобы не давал (с. 69, 70). По существу, Блэр оправдывает нарушение им сделки, в результате чего он оставался у власти в течение 10 лет, что так отравило взаимоотношения в руководившем страной тандеме.

Браун хотел получить свободу рук в сфере экономической политики, и в какой-то момент была даже составлена бумага, фиксировавшая это соглашение. Станным образом она сохранилась, но ответ Блэра на нее – «Тесное взаимодействие – да! Партнерство – да! Двойное руководство – абсолютно нет!» – испарился (с. 70). То, что впоследствии он передоверил экономику министру финансов и не очень ею интересовался, сосредоточив свое внимание на внешней политике, североирландском урегулировании и политике в сфере образования, (по существу, это было «двойное премьерство»,

а Э. Ронсли называет его “двойной монархией²⁾” экс-премьер, вопреки свидетельству множества коллег, называет “мифом”, утверждая, что никогда не ослаблял хватку.

Блэр не может не признать, что его друг Браун “был в состоянии шока и переживал предательство”, однако подчеркивает, что их беседы, хотя и были трудными, но не враждебными, а соперники напоминали “влюбленную пару, спорящую о том, чья карьера важнее” (с. 71).

Сами выборы лидера партии, по словам Блэра, прошли спокойно. Большинство лейбористов, в отличие от большинства профсоюзных руководителей, поддержало его кандидатуру. Что же касается консерваторов, то с их стороны наблюдалось показное безразличие к тому, кто возглавит лейбористскую партию. На самом деле тори серьезно забеспокоились, ибо понимали, что в лице Блэра столкнутся с очень сильным соперником.

Разногласия с Брауном впоследствии только нарастали (из-за надбавок за тьюторство (руководство студентами), введения удостоверений личности, реформы пенсионной системы, проблемы перехода на евро, британского взноса в бюджет ЕС и пр.). Из-за того, что Блэр не спешил передавать канцлеру бразды правления страной, тот, по его словам, все более превращался в “тормоз” на пути реформ (с. 495). Попытки поговорить начистоту, выяснить отношения в тандеме, оказывается, начались еще осенью 2003 г. Посредником выступал заместитель премьер-министра Дж. Прескотт. Согласно Блэру, он заявил канцлеру, что собирается уйти, как обещал – после двух сроков у власти, но выставил условие прекратить ставить палки в колеса реформам. Стороны обещали хранить это решение в тайне, однако канцлер слова не сдержал.

Со временем, не без влияния окружения, а также супруги, позиция премьера изменилась. Он считает, что “нельзя было требовать и давать подобные обещания”, “это было неразумно политически, не говоря уже о соблюдении демократических норм” (с. 497). В этой связи он ссылается на М. Тэтчер, которая ратовала за Мэйджора в качестве своего преемника, хотя Хезлтайн был куда более сильной фигурой. Другими словами, ее “личные предпочтения” одержали верх над интересами партии. “Я тоже пытался выбрать себе преемника, а когда осознал, что совершил ошибку, было уже поздно”, – сетует Блэр (с. 500). Вместе с тем на какое-то время был восстановлен мир, и участники тандема стали нормально общаться друг с другом.

Однако после того как информация о предстоящем уходе Блэра по вине канцлера просочилась в печать, между ними вновь стали возникать неприятные стычки. Согласно Блэру, он и его соратники с каждым днем все более убеждались, что преемник вернет партию и страну на прежние “старые лейбористские” позиции. В результате в июле 2004 г. он решил, что “не может передать власть Гордону, по крайней мере не сейчас, а, возможно, и никогда” (с. 509). Канцлер воспринял это известие в штыки. После этого, как пишет бывший премьер, он взял в свои руки управление пятилетними планами и работал, минуя казначейство.

Безусловным достижением Блэра были одержанные три раза подряд победы на парламентских выборах. До него это не удавалось ни одному премьеру – лейбористу. Говоря о предвыборной кампании 2001 г., он подтверждает, что ее исход был ясен с самого начала – лейбористская партия уверенно шла ко второй подряд внушительной победе. Задача состояла в том, чтобы не допустить серьезной ошибки. Вот тут-то и случилась история с заместителем Блэра Прескоттом, который отправил в нокдаун человека, запустившего в него яйцом. Чтобы спасти ситуацию Прескотту предложили извиниться, но он категорически отказался это делать. После консультации с супругой премьер избрал другую линию: не осуждать действия Прескотта, а принять их к сведению. Это сработало, и общественные симпатии стали склоняться на сторону незадачливого зама Блэра, который своими действиями невольно оживил предвыборную кампанию. Одержав победу на выборах, премьер впал в состояние эйфории и даже позволил себе отпраздновать это событие.

---

² *Rawnsley A. The End of the Party. The Rise and Fall of New Labour. London, 2010, p. 62.*

Автор, безусловно, лукавит, когда вновь и вновь подчеркивает свое намерение уйти после двух сроков. В это можно было бы поверить, если бы мы не знали, с каким трудом он уходил в отставку. Блэр признается, что окружение требовало смещения Брауна с поста канцлера, но он не поддался на это: Браун “был признан выдающимся канцлером”, “возвышающейся фигурой во всех отношениях”. Кроме того, у него была поддержка СМИ, а также партии. В этих условиях смещение выглядело бы как ревность со стороны премьера, да и кто мог заменить Брауна? (с. 340). Другими словами, канцлер оказался Блэру не по зубам. Вместо него был смещен Р. Кук, а занимаемый им пост главы Форин офис достался Дж. Стро.

Парламентские выборы 2005 г. вновь принесли лейбористам победу, хотя их большинство в Палате общин сократилось до 67 мест. Автор признает, что многие потерянные партией голоса избирателей ушли к либерал-демократам, выступавшим против иракской войны. Правительство Блэра вышло на выборы с детально проработанными планами во всех главных сферах политики: в вопросе о школах, особенно академиях; о следующей стадии реформы Национальной службы здравоохранения; о преступности, введении удостоверений личности, домостроении и планировании и пр. Это было “правительство с программой, партия с ощущением своей миссии и лидером, который мог еще руководить” (с. 512). Кроме того, в США вновь победил Дж. Буш, что было воспринято Блэром с облегчением: он понимал, что поражение Буша было бы и его поражением.

Автор с гордостью перечисляет достижения лейбористского правительства: снижение преступности на 30%, увеличение численности полиции на 13 тыс., снижение ожидания медицинской помощи пострадавшим в несчастных случаях до 4 часов (!) и в очереди на операцию – до 9 месяцев и т.д.

Положение тори было незавидным – они никогда не проигрывали на трех выборах подряд. По мнению Блэра, в их программе был только один выигрышный пункт – ограничение иммиграции. В этой связи Блэр сетует на то, что все его попытки ввести какие-либо ограничения на предоставление убежища заканчивались обвинениями премьера в расизме.

На следующий же день после победы на выборах отношения с Брауном ухудшились из-за разногласий по поводу назначения членов кабинета. Именно с его подачи, как считает бывший премьер, в СМИ стала высказываться идея о том, что без Блэра показатели партии были бы несравнимо лучше.

В феврале 2006 г. Блэр принял решение: никакого добровольного ухода, если не будет уверенности в том, что программа реформ продолжится. Он отвел себе, по крайней мере, еще два года на посту премьера, необходимых для воплощения задуманного. Будучи уверенным в правильности того, что делает в интересах партии и общества, он решил не обращать внимания на внутри- и внепартийные настроения (с. 583).

Однако планам Блэра помешала кампания вокруг продажи лейбористским правительством мест в Палате лордов развернутая в СМИ, которая, по его мнению, была направлена на то, чтобы “положить конец его премьерству с наибольшим ущербом для репутации” (с. 605). В свое оправдание он приводит следующий аргумент: почему-то сложилось так, что руководителя профсоюза, который делал щедрые пожертвования в фонд лейбористской партии, награждали пожизненным пэрством, в то время как аналогичные действия представителей бизнеса считались незаконными. Шум был поднят большой, проводилось расследование, но как только Блэр ушел в отставку, длившаяся полтора года кампания тут же прекратилась. Экс-премьер считает, что Браун сыграл свою роковую роль в этом деле: согласно автору, между ними состоялся разговор на повышенных тонах, в ходе которого канцлер по существу шантажировал премьер-министра, угрожая продолжением расследования этого скандала в случае, если тот будет настаивать на пенсионной реформе, а также в грубой форме потребовал, чтобы Блэр,

наконец, ушел. Как свидетельствуют коллеги премьера, к этому моменту ссоры в правящем страной тандеме происходили постоянно³.

Именно Браун, по мнению Блэра, стоял за “заговором” против него в лейбористской партии: ни сам канцлер, ни его окружение не поверили словам Блэра о намерении уйти в отставку и решили поднять волну, которая в итоге вынесла его с Даунинг-стрит, 10. Именно они организовали письма с демонстративной отставкой одного из членов правительства и требованием нескольких десятков членов парламентской фракции освободить пост лидера партии. С сожалением Блэр признает, что оставаться на посту премьера в таких условиях, да к тому же когда ведущие газеты и Би-Би-Си требовали его немедленной отставки, было невозможно. Последняя встреча с канцлером была драматичной. Браун сообщил, что на подходе письма с аналогичными требованиями. “Он поймал меня и знал это, – пишет Блэр. – Я не мог оставаться (на посту премьер-министра. – *Н.К.*), но для него было важным показать, что не он является организатором кампании по моему уходу” (с. 618). Канцлер безуспешно требовал точной даты отставки, его не устраивало заверение Блэра в том, что предстоящая конференция партии будет его последней конференцией. В свою очередь, Блэр опасался, что, если он это сделает, через несколько недель его уже не будет на Даунинг-стрит. Что касается подписавшего письмо с требованием отставки премьера Т. Уотсона, с ним поступили жестко, уволив из правительства.

Довольно забавно читать “откровения” Блэра о том, как он хотел освободиться “от тревоги, ответственности, жизни на острие ножа, когда любой промах может раскромсать тебя на куски”, “бежать, сохранив репутацию и душу... передать все Гордону” (с. 124). Трудно понять, когда, собственно, он предполагал уйти в отставку и собирался ли делать это вообще. Похоже, лишь неблагоприятно сложившиеся для него обстоятельства, заставили британского премьера, наконец, освободить руководящее кресло. Вопреки тому, что он говорит, напрашивается такая мысль: если бы он уступил свой пост Брауну раньше, то, вполне возможно, правление последнего могло закончиться не так плачевно для лейбористов.

Предстоящему уходу Блэра радовались профсоюзы, почувствовавшие, что “скоро вернутся в центр событий”. На последнем для автора Конгрессе британских тредьюнионов его проводили корректно, но прохладно. “Мы расстались так же, как начинали, испытывая взаимное непонимание, – пишет Блэр. – Они не могли понять, почему я делаю то, что делаю, а я не мог понять, почему они не видят, что это дорога в будущее”. “Они считали меня консерватором в лейбористской одежде, а я считал их консерваторами в лейбористской одежде... И все же они доставляли мне меньше беспокойства, чем в свое время Эттли, Вильсону или Каллагену. Потому что теперь (благодаря проведенным им реформам. – *Н.К.*) имели намного меньше власти” (с. 623).

* * *

Несомненным, а точнее – наибольшим достижением лейбористского правительства и лично премьер-министра справедливо признано урегулирование положения в Северной Ирландии. Неудивительно, что Блэр посвящает этому вопросу целую главу своих мемуаров. Он отдает дань своему предшественнику консерватору Дж. Мэйджору, напоминая, что тот начал переговоры с ИРА (Ирландской республиканской армией), привлек американского сенатора Митчелла (а если быть точнее – тот был навязан в качестве председателя комиссии по североирландскому урегулированию Клинтон. – *Н.К.*) и начал проработку некоторых элементов, которые впоследствии привели к достижению соглашения. Неоценимую роль, согласно автору, сыграл также руководитель его персонала Дж. Пауэлл, который подружился с лидером Шинн фейн Дж. Адамсом и которому доверяли обе стороны. “Без него не было бы никакого мира” (с. 160).

³ *Rawnsley A. Op. cit., p. 361.*

Блэр сообщает читателю о своих ирландских корнях: родители матери были убежденными протестантскими фермерами из Донегала. Вплоть до 1969 г. (пока это не стало опасным) Тони и его брат проводили в Ирландии каникулы. Любопытно, что бабушка Блэра перед смертью наказала ему никогда не жениться на католичке. (Этот наказ он нарушил, не только женившись на католичке, но и сам став католиком.) Некоторые оранжисты (ультра-юнионисты) полагали, что Блэр вообще не годился в премьеры, так как женат на католичке.

Автор подчеркивает, что в вопросе североирландского урегулирования проводилась общая для обеих партий (двухпартийная) политика. Его предшественник на посту лидера партии Дж. Смит знал о секретных контактах премьер-министра Мэйджора с ИРА и одобрял их. Трудность состояла в том, что с обеих сторон было множество террористических групп, которые действовали по своему усмотрению, поэтому переговоры часто прерывались.

Блэр вспоминает свою первую встречу с лидером Шинн фейн Дж. Адамсом. До него с ним не встречался ни один британский премьер-министр. Предварительно обсуждался вопрос – подавать ли руку Адамсу. Все произошло естественно: когда тот вошел в комнату, они поздоровались за руку. Это вскоре аукнулось Блэру: посещая торговый центр в Северной Ирландии, он был атакован группой разгневанных покупательниц преклонного возраста, обвинявших его в предательстве и размахивавших перед его носом резиновыми перчатками. Это был намек на то, что здороваться с Адамсом следовало не иначе, как в резиновых перчатках. Премьер вынужден был спастись бегством.

В мемуарах показано, в каких муках рождалось знаменитое Соглашение Страстной пятницы 1998 г., положившее конец многолетнему прямому правлению Лондона в Северной Ирландии. Заключительный этап проходил в Стормонте, в апреле, под руководством Блэра и при участии премьер-министра Ирландской Республики Б. Ахерна, который только что похоронил мать, и, как считает Блэр, было чудом, что он нашел в себе силы приехать в Ольстер. С пафосом экс-премьер сообщает, что в тот ответственный период “ощущал руку истории на своем плече” (с. 166).

В ходе переговоров с представителями всех партий Ольстера Блэр использовал следующую тактику: мотивировал и уговаривал, но не запугивал. Он делал это сознательно, порою против своего желания, так как страсти были накалены, а последствия срыва переговоров были бы непредсказуемы. Автор отмечает, что между двумя противоборствующими сторонами существовала большая разница: республиканцы во главе с Адамсом были едины и придерживались разработанной линии, в то время как у юнионистов, напротив, не было никакого единства. Они не только не поддерживали своего лидера, но своей выразительной мимикой всячески демонстрировали, что его слова ничего не значат. Периодически кто-нибудь из членов делегации юнионистов высказывал сомнения, и вся достигнутая с огромным трудом конструкция тут же рассыпалась. Если по какому-либо вопросу удавалось договориться с лидером юнионистов Д. Тримблом, то после встречи со своей делегацией он возвращался нагруженный бесчисленным количеством возражений, дополнений, оговорок, условий и требований. По мнению Блэра, тяжесть руководства лейбористской партией, ничто по сравнению с положением Тримбла в качестве лидера юнионистов. В общем это походило на “ведение переговоров в сумасшедшем доме” (с. 171). Когда они готовы были сорваться, Блэр “рассыпал уступки как конфетти” (с. 169).

Спать удавалось лишь в течение пары часов, так как необходимо было встречаться со всеми партиями, независимо от степени их влияния на окончательный документ, ибо в противном случае они могли просто уйти с переговоров. Представлявшая республиканцев Социал-демократическая лейбористская партия (SDLP), например, считала, что ее просто игнорируют, так как переговоры велись в основном с Шинн фейн. Блэру понадобился весь его авторитет премьер-министра, чтобы довести урегулирование до победного конца (он хорошо понимал, что провал переговоров грозил возобновлением военных действий).

В какой-то критический момент Шинн фейн предоставила свои возражения на 40(!) страницах. Чтобы не провалить дело Блэру пришлось тайно пообещать Адамсу выпустить из тюрем осужденных террористов в течение года (официально же было объявлено, что они выйдут на свободу через 2 года). Эта договоренность была “закреплена” звонком Клинтона лидеру Шинн фейн. Президент США, по словам Блэра, вообще сыграл важнейшую роль, “отслеживая переговоры, бодрствуя ночью, делая звонки кому было необходимо и говоря нужные слова” (с. 173). Тайная договоренность была также достигнута с юнионистами: в письме Д. Тримблу Блэр гарантировал, что в случае отсутствия в течение полугода прогресса в деле разоружения военных формирований республиканцев, в соглашение будут внесены изменения, позволяющие исключить их из состава североирландского правительства. Эти тайные договоренности позволили подписать Соглашение Страстной пятницы. Но до окончательного урегулирования весной 2007 г. потребовалось еще 9 лет.

Блэр делит процесс североирландского урегулирования на два этапа. Первый – от Соглашения Страстной пятницы до прекращения деятельности Ассамблеи и североирландского правительства в октябре 2002 г., второй – от ухода Тримбла в отставку в 2003 г. до соглашения в Сент Эндрус в октябре 2006 г.

На втором этапе трудным орешком был лидер Демократической юнионистской партии Ян Пэйсли, который противостоял Адамсу. Блэру и его коллегам приходилось проявлять чудеса изворотливости и компромисса. Так, например, Пэйсли настаивал на том, чтобы на переговорах с Шинн фейн юнионисты сидели за столом напротив республиканцев (в знак того, что они являются соперниками), в то время как Адамс предлагал, чтобы стороны разместились за круглым столом (это должно было символизировать партнерские отношения между сторонами). Другими словами, нашла коса на камень. Вышли из затруднительного положения таким образом: команда Блэра предложила сделать стол ромбовидным, что удовлетворило обе стороны.

В этой связи Блэр вспоминает Нельсона Манделу, который прибегнул к следующей уловке, чтобы остановить насилие в стране: он уговорил своих сторонников прекратить силовые акции в тактических целях на определенный период, а когда это было сделано, больше уже они не возобновлялись. “Подобные тактические маневры были основой североирландского процесса”, – подчеркивает экс-премьер (с. 187).

Проводя параллель между ситуацией в Ольстере и на Ближнем Востоке, Блэр считает, что первый конфликт гораздо сложнее арабо-израильского. В этой связи он приводит любопытный эпизод: в ходе одного из визитов в Ольстер он увидел, как в районах, контролируемых республиканцами, были вывешены палестинские флаги – так Шинн фейн приветствовала палестинскую делегацию, прибывшую с визитом в Белфаст. На следующий же день юнионистские районы были украшены в ответ израильскими флагами.

Когда до подписания соглашения оставалось пол-шага, юнионистская сторона в качестве неременного условия выдвинула требование закрыть Мэрифилд – так назывался офис, существовавший со времен Тэтчер в соответствии с англо-ирландским соглашением 1985 г. Блэр согласился, заметив при этом, что в здании разместят что-нибудь другое. Но юнионисты потребовали вообще никогда больше не использовать проклятое здание. Каким бы немислимым ни показалось Блэру это требование, он распорядился снести здание и готов был сделать это своими руками.

На основе собственного опыта экс-премьер формулирует некоторые общие принципы для переговорщиков, занимающихся урегулированием такого рода сложнейших конфликтов: обязательное участие третьей стороны, которая должна быть креативной и терпеливой; понимание, что урегулирование – это долгий процесс, который многие будут пытаться прервать (в данном случае, например, отколовшаяся от ИРА так называемая Истинная ИРА). Важное значение имеет также характер участвующих в переговорном процессе лидеров, которые должны не бояться идти на риск и вести за собой других (такими лидерами были Дж. Адамс и Я. Пэйсли). Блэр с восхищением говорит о лидерах Шинн фейн Адамсе и Макгиннесе, считая их “незаурядными людьми”.

ми”, “знавшими, куда идти, и намеренными вести за собой своих сторонников, или, по крайней мере, большинство из них” (с. 196). Многие, как подчеркивает автор, в том числе британская разведка, полагали, что ИРА и ее политическое крыло Шинн фейн неразделимы. Когда Адамс и Макгиннес утверждали, что им необходимо переговорить по тому или иному вопросу с ИРА, им советовали просто посмотреть в зеркало. Блэр не сомневается, что во многих случаях расхождения между Шинн фейн и ИРА были надуманными и использовались по тактическим соображениям (здесь он проводит параллель со взаимоотношениями между руководством лейбористской партии и ее Исполкомом). Главный же принцип, по мнению Блэра, заключается в следующем – никогда не опускать руки!

* * *

Особую брезгливость вызывают воспоминания экс-премьера о той сверх-активной роли, которую он сыграл в Косовских событиях. Блэр по существу признает, что является наиболее воинственным британским премьером за весь послевоенный период. В годы его правления Великобритания фактически участвовала в пяти войнах: дважды против Ирака (Операция “Лис пустыни” 1998 г. и война 2003 г.), против Югославии, Сьерра Леоне, Афганистана. Согласно К. Шорт, Блэр как-то признался ей, что с удовольствием направил бы британские войска также в Зимбабве, однако помешали настроения в стране и в партии⁴. Известно, что лейбористское правительство не только санкционировало участие своих ВВС в бомбардировках Югославии, но и наиболее последовательно продвигало идею наземной операции НАТО в Косово. С самого начала конфликта именно Блэр был наиболее агрессивным обличителем Милошевича, именно ему принадлежало первенство в воинственной риторике (в кругах администрации США ему даже присвоили издевательскую кличку “Уинстон”⁵). Это негативным образом сказалось на личных отношениях Блэра с Клинтонем, который не испытывал никакого желания предпринимать наземную операцию в Югославии. Такой же позиции придерживались европейские партнеры по НАТО, особенно канцлер ФРГ Г. Шредер. Что же касается британского премьера, он настойчиво подталкивал американского партнера именно в сторону наземной операции, оправдывая свою позицию мнением военных, в том числе британских, считавших, что без такой операции невозможно выиграть войну. Рвение премьера смутило даже ближайших доверенных лиц. Так, он признает, что даже Ч. Пауэлл был в сомнении, когда премьер озвучил предполагаемую численность наземного контингента (50 тыс. британцев), не говоря уже о министре финансов Брауне, которого волновало, во что это обойдется бюджету. В письме Клинтону и европейским партнерам от 18–19 мая 1999 г. Блэр уже называет другую цифру – по крайней мере 150 тыс. военнослужащих (половина из них – европейцы, половина – британцы) (с. 239). Это было бы самым крупным развертыванием британских сил за рубежом в послевоенный период. Причем, британского премьера не останавливала даже вероятность огромных жертв (военные называли десятки тысяч).

Автор не упоминает о неприятном для него телефонном разговоре с президентом США, в ходе которого тот по существу поставил его на место, заявив, что не нуждается в поучениях: настойчивые призывы Блэра использовать наземные силы против Милошевича создавали неудобства для Клинтона, выглядевшего на фоне воинственного британского премьера неуверенным в себе и аморфным.

По поводу знаменитого рейда российских десантников на Приштину⁶, рейда, который, по его мнению, являлся “угрозой миру”, автор сообщает, что, тем не менее, был согласен с британским генералом М. Джексоном, что исполнить приказ командующего войсками НАТО в Европе У. Кларка – не допустить русских на аэродром Пришти-

⁴ *Kampfner J.* Blair’s Wars. London, 2004, p. 76.

⁵ *Ibid.*, p. 48.

⁶ См.: *Иваилов Л.Г.* Косовский кризис 1999 года. Бросок на Приштину. – Новая и новейшая история, 2004, № 5, с. 87–114.

ны – было бы безумием. Блэр распорядился игнорировать приказ. “Я часто думал – а что было бы, если бы я рекомендовал Майку выполнить приказ его начальника?” – спрашивает экс-премьер (с. 243).

Косовский конфликт “совершенно изменил” отношение Блэра к внешней политике. В результате появилось его выступление на юбилейном саммите НАТО 24 апреля 1999 г., в котором была провозглашена “Доктрина международного сообщества”, оправдывающая в эпоху глобализации “гуманитарную интервенцию” против других стран. Как стало известно впоследствии, эту речь Блэра писал профессор Королевского колледжа известный специалист по военной проблематике Л. Фридман, что стало сюрпризом не только для партнеров Великобритании, но и для Форин офис, с мнением специалистов которого британский премьер не привык считаться. Автор мемуаров ни секунды не сомневается в правильности своих действий в отношении Белграда и, конечно, ни слова не говорит о той беспрецедентной информационной войне, которая с санкции правительства была развернута в британских СМИ с тем, чтобы убедить общественное мнение страны в необходимости военных действий против Югославии. Ну а то, что ради этого пришлось в 40 (!) раз завесить количество жертв так называемых “этнических чисток”, якобы предпринятых сербами против албанцев, естественно, остается за кадром. Главное – цель была достигнута: в результате этой кампании, правительство получило формальный повод и моральное оправдание “гуманитарной интервенции” НАТО против Югославии, а поддержка населением страны воздушной и наземной операций держалась на уровне не ниже 50%. При этом, Блэр льет крокодильи слезы по поводу невинных жертв – албанских беженцев, по ошибке попавших под обстрел натовских штурмовиков (именно тогда в его душе якобы “поселилась печаль”). О нескольких тысячах убитых в результате натовских бомбардировок сербов британский премьер вовсе не сожалеет.

Определенный интерес представляет описание Блэром событий 11 сентября 2001 г., которые, по его словам, изменили мир: в результате “страны, чьи правительства раньше не любили, но терпели, в течение ночи превратились в потенциальных врагов” (с. 396).

Известие о террористическом акте пришло с экрана телевизора, когда Блэр готовился выступать на съезде Британского конгресса тредьюнионов в Брайтоне. Отменив выступление, премьер срочно вернулся в Лондон. События 11 сентября были восприняты им не как простой инцидент, а как “нападение”. Сразу же пришло решение встать “плечом к плечу” с США. Альтернативы не было. При этом он признает, что “неправильно понял всю серьезность этого вызова”: как многие другие Блэр считал, что теракт совершен небольшой группой фанатиков, с которой можно быстро разделаться.

Обстановка в Великобритании была очень тревожная: отсутствовала уверенность в том, что аналогичный теракт не повторится в Лондоне. Экс-премьер умалчивает о состоянии растерянности, в котором пребывали правительственные чиновники в связи с отсутствием какой-либо информации (кроме телевизионных репортажей) вокруг событий 11 сентября. Блэр пережил несколько тревожных минут, когда ему сообщили о потере связи с одним из британских самолетов, подлетающих к Лондону. Требовалось немедленное решение премьер-министра, но, к его большому облегчению, через несколько минут связь с самолетом восстановилась.

Блэр без промедления (причем, по своей инициативе) взялся за создание коалиции против талибов, принимая в Лондоне Берлускони, совершая визиты во Францию и Германию, а затем и в США. Заметим, что это была беспрецедентная активность: 54 встречи с зарубежными лидерами в течение 2-х месяцев. Недаром Н. Мандела назвал его министром иностранных дел США⁷. В европейских столицах с изумлением и смущением взирали на гиперактивность британского премьера, на то, с каким рвением он делал за американцев их работу. К удивлению Блэра, в ходе первой после событий 11 сентября встречи с президентом Бушем тот был “противоестественно спокойным”

⁷ Rawnsley A. Op. cit., p. 48.

(с. 354). Как утверждает экс-премьер, тема Саддама Хуссейна пока еще “была в тени”, а на передний план вышла борьба с талибами.

Блэр продолжал свою дипломатическую одиссею, играя, по словам Э. Ронсли, роль “президента мира”, совершая визиты в Брюссель, на Ближний Восток, в Пакистан, Россию. В этой связи для отечественного читателя представляют несомненный интерес его впечатления от встреч с Путиным, который, по словам автора, увидел в событиях вокруг 11 сентября и в сотрудничестве по этому вопросу с США “возможность для возрождения мощи России”. Экс-премьер сожалеет о том, что “не была разработана должная стратегия, которая бы позволила осуществить его (Путина. – *Н.К.*) амбиции в противовес тому, что в итоге произошло”: Путин посчитал, что “американцы отнеслись к нему и России с недостаточным уважением” и “со временем решил позиционировать Россию в международном сообществе как страну, противостоящую Америке”. “Нам следовало приложить больше усилий, особенно американцам, которые его недооценили” (с. 359), – указывает автор. По всей видимости, экс-премьер чувствует и свою вину в этом деле: согласно Кэмпфнеру, на встрече с Путиным Блэр заверил его, что в случае оказания Россией помощи США и Великобритании в войне в Афганистане, ее голос будет в дальнейшем учитываться Западом⁸. Тогда же они вдвоем с Путиным решали, как добиться поддержки планов военных приготовлений бывшими советскими республиками – соседями Афганистана. В какой-то момент Путин даже предложил Блэру вместе лететь в Таджикистан, чтобы лично договориться с его президентом, но эту идею отвергли сопровождавшие британского премьера лица (с. 359). В этой связи Блэр вспоминает, как еще до сентябрьских событий на встрече с Путиным в Генуе в июле 2001 г. тот шутил, что поддержит санкции против Саддама в том случае, если Великобритания компенсирует ему 8-миллиардный долг Ирака России. Как известно, впоследствии Россия списала иракский долг без всяких компенсаций.

Блэр признает, что в начавшейся 7 октября 2001 г. войне в Афганистане европейские партнеры Великобритании и США, связанные общественным мнением в своих странах, оказывали в основном дипломатическую поддержку и были не готовы применить войска и нести тяжелые потери. Да и в Афганистане восприняли начавшуюся войну, как борьбу Запада с афганским народом. Поэтому Блэр стремился к тому, чтобы афганская война рассматривалась в более широком аспекте, а для этого нужно было продемонстрировать “нашу (Запада. – *Н.К.*) настойчивость в достижении мира на Ближнем Востоке, озабоченность ситуацией в Африке (“шрам на совести мира”) и состоянием окружающей среды” (с. 365).

Автор сожалеет о том, что Запад совершил в свое время “стратегическую ошибку”, вскормив движение “Талибан”, “чтобы остановить русских”, а также вооружал Ирак против Ирана (с. 388).

Что касается иракской войны, то надо сказать, что по этому поводу уже много написано коллегами Блэра по обе стороны океана. Кроме того, имеются подробные показания как самого премьера, так и других высокопоставленных британских лиц, данные в ходе расследований иракских событий несколькими комиссиями. Поэтому сказанное Блэром в мемуарах по этому поводу мало что добавляет к уже ставшему известным. Поскольку Ирак для Блэра (аналогично Суэцу для А. Идена) стал тем самым вопросом, на котором он, фигурально выражаясь, сломал себе шею, понятно его желание оправдаться любыми способами. Он неоднократно повторяет, что скорбит о погибших, но не сожалеет о принятом решении, так как сохранение Саддама у власти “создавало больший риск для нашей безопасности, чем его смещение” (с. 380). Главным мотивом было оружие массового уничтожения, которое якобы имелось у Саддама, а потом “мистическим образом” исчезло. Блэра вовсе не смущает, что оно так и не было найдено. Он вопрошает: почему же тогда Хуссейн так долго чинил препятствия

⁸ *Kampfner J.* Op. cit., p. 126.

работе международных инспекторов? По его мнению, во всем виноваты разведслужбы и международные инспекторы.

Экс-премьер вынужден признать, что мысль о противостоянии “недобитому врагу” американцы держали в уме уже с сентября 2001 г. При этом он пытается убедить читателя в том, что “даже в конце 2002 – начале 2003 гг. мы все еще могли избежать кровопролития”, а факт военных приготовлений – это обычная в таких случаях практика (с. 399). А это совершенно не соответствует действительности. Напротив, есть достаточно свидетельств того, что американцы настойчиво стремились именно к применению силы против Ирака. И их всячески раздражала вынужденная задержка, связанная с маневрами Блэра, пытавшегося сохранить образ бескомпромиссного борца с мировым злом (международным терроризмом) в глазах британской общественности и мирового сообщества. (Согласно той же К. Шорт, дата начала войны с Ираком была известна руководству британской разведки заранее – она намечалась на середину февраля 2003 г.) С этой же целью Блэр всячески демонстрировал свою задействованность в деле арабо-израильского урегулирования. Чтобы “подсластить пилюлю Ирака” он не постеснялся пойти на откровенный обман, когда на конференции лейбористской партии в октябре 2002 г. заявил о возобновлении к концу года переговоров о создании Палестинского государства⁹.

Как утверждает экс-премьер, впервые вопрос о войне против Ирака обсуждался в ходе его встречи с Бушем на тexasском ранчо в Кроуфорде в начале апреля 2002 г. Автор отмечает утверждение бывшего британского посла в США Кр. Мейера о том, что именно в Кроуфорде он якобы “кровью” поклялся поддержать Америку и ее план смещения Саддама, подтвердив это на следующий день в своей речи в Техасе. На самом деле, Мейер ответственно заявляет, что в вышеупомянутой речи Блэр впервые твердо высказался в пользу свержения режима Саддама Хуссейна. Бывший посол сетует в этой связи на то, что Великобритания практически ничего не получает от США за свою безоговорочную поддержку их действий¹⁰.

Как выяснилось впоследствии из публикаций коллег британского премьера, видных дипломатов и специалистов по обе стороны океана, обещание безусловной, безоговорочной поддержки, данное Блэром американскому президенту, смутило даже его ближайшее окружение, не ожидавшее от своего шефа такого бездумного рвения. Ведь от лица Великобритании он по существу дал “карт бланш” Бушу на любые действия, причем, любой продолжительности.

Взятый им курс на полную поддержку действий США Блэр мотивирует решением, принятым на встрече с руководством британских вооруженных сил, которая состоялась в Чекерсе незадолго до его поездки в Кроуфорд: на ней было принято решение в целях получения возможности влиять на военное планирование США стать его участником, что и было сделано с весны 2002 г. Но это, по словам Блэра, вовсе не означало, что война неизбежна.

По поводу “дела Келли” (эксперта министерства обороны, который, как предполагалось, сообщил корреспондентам о фабрикации так называемого Иракского досяе, а после того, как на него натравили СМИ покончил жизнь самоубийством) Блэр сообщает, что имя Келли было предано огласке по его указанию (ранее ответственность за это возлагали на окружение премьера). Он мотивирует это стремлением избежать обвинений со стороны парламентского комитета по иностранным делам, который занимался этим расследованием, в утаивании информации (с. 456). Таким образом, можно сделать вывод, что обвинения британского премьера некоторыми СМИ в том, что у него “руки в крови”, не были лишены оснований, хотя впоследствии, в январе 2004 г., комиссия лорда Хаттона вывела Блэра из-под удара.

⁹ Ibid., p. 213.

¹⁰ Meyer Ch. DC Confidential: The Controversial Memoirs of Britain’s Ambassador to the US. London, 2006, p. 247.

Экс-премьер лицемерно сожалеет по поводу принятого им решения предать гласности доклад разведки по иракскому вопросу (интересно, каким образом ему бы тогда удалось склонить общественное мнение к поддержке войны против Ирака? – *Н.К.*) и отрешивается от пресловутой фразы о 45-минутной готовности Саддама Хуссейна применить оружие массового уничтожения, вокруг которой впоследствии возникло много шума. При этом ни слова не говорится о том беспрецедентном давлении, которое было оказано им и его командой на руководство Объединенного разведывательно-го комитета с тем, чтобы сделать доклад разведки по Ираку более убедительным.

По словам Блэра, его усилия были направлены на то, чтобы поставить процесс урегулирования иракского кризиса под мандат ООН. Можно согласиться с автором, что это была нелегкая задача. Этому всячески противодействовал вице-президент США Д. Чейни. Без мандата ООН Блэру трудно было бы (если вообще возможно) получить согласие Палаты общин на ведение военных действий, ведь его “изоляция внутри кабинета, не говоря уже о парламентской фракции, большей части СМИ и общественном мнении, была огромной” (с. 412). Автор делает любопытное признание: оказывается, понимая трудности, с которыми столкнулся британский премьер, Буш предлагал ему оставаться вне конфликта, присоединиться на более позднем этапе (коалиция к тому моменту насчитывала уже свыше 30 стран). (Мы знаем об этом и из других источников, в частности, книги известного американского исследователя Б. Вудворта “План атаки”¹¹). Но поставивший перед собой такую высокую планку (безоговорочная поддержка) Блэр не допускал для себя иного варианта, даже несмотря на миллионную военную демонстрацию в феврале 2003 г. в Лондоне.

Автор всячески пытается убедить читателя в том, что был не “пуделем” Буша, как его окрестили СМИ, а, скорее, собакой-поводырем. Он утверждает, что влияние событий вокруг Ирака на другие страны было положительным, подтолкнув, в частности, Ливию к уничтожению программ создания ядерного и химического оружия, заставив вернуться за стол переговоров Иран и Северную Корею. Многие лидеры арабского мира стали опасаться действий Америки, “а это неплохо”(с. 392). Если бы Ирак стал “разумно и хорошо функционирующей демократией”, – мечтает Блэр, то “Иран в своем нынешнем виде долго не просуществовал бы” (с. 469).

Что касается последствий военной кампании в Ираке, то они, по признанию экс-премьера, не были просчитаны, хотя самое страшное – гуманитарную катастрофу, взрывы нефтяных вышек – удалось предотвратить. Блэр снимает с себя и с американцев ответственность за бесчисленные взрывы смертников и гибель мирных жителей в Ираке, хотя ему приходится признать, что британские войска в Басре скорее невольно “провоцировали” сопротивление, чем являлись “поддержкой” для местных властей в вопросах безопасности (с. 470). Пространно рассуждая о демократии и свободе, утверждая, что жизнь в Ираке в настоящее время намного лучше, чем при Саддаме, Блэр жонглирует цифрами погибших иракцев до и после начала войны. По его подсчетам, количество жертв в Ираке с начала войны насчитывает всего (!) 112 тыс.

Подводя итог иракской эпопеи, Блэр повторяет известные слова Чжоу Эньлая, сказанные по поводу Французской революции, – “слишком рано давать оценку”, и подчеркивает, что его рассудит история.

* * *

В мемуарах содержатся любопытные подробности организации работы премьер-министра. Серьезной проблемой была катастрофическая нехватка времени. Поэтому по просьбе Блэра было существенно сокращено количество официальных обедов (согласно его подсчетам за 10 лет их было всего около 30). В отношении ненужных людей применялся такой прием: когда премьер-министра просили о встрече, он всегда соглашался, а потом сваливал вину на нерадивых сотрудников, которые якобы не удосуживались выкроить для встречи время. Или же, в том случае если встреча все же

¹¹ *Woodward B. Plan of Attack. New York, 2004, p. 338.*

состоялась, сотрудники получали инструкции уже через полчаса заглянуть в кабинет и объявить, что отведенное для нее время истекло, и премьер должен встречаться с кем-то еще. При этом Блэр, как правило, выражал сожаление, что приходится прерывать интересную беседу. Как-то раз он настолько правдиво разыграл ситуацию, что сотрудница аппарата сжалась и, сообщив, что в расписании произошли перестановки, добавила премьеру, к его досаде, дополнительных полчаса.

Много времени отнимала подготовка к часу вопросов и ответов в Палате общин, который проходил дважды в неделю (по 15 минут). Поэтому в интересах придания этому моменту “большой эффективности” премьер стал принимать участие в мероприятии раз в неделю, по средам (в течение получаса). Блэр не оригинален, когда признается в том, что ненавидел эти моменты из-за страха показаться дураком, хотя сторонним наблюдателям казалось, что он получал удовольствие от нападков оппозиции. То же самое на его месте чувствовали и другие. При этом любая допущенная премьером неточность воспринимается как намеренное введение в заблуждение всей палаты и может стоить ему поста. Со временем он более или менее адаптировался, но даже теперь, по прошествии трех лет в 11.57 по средам его всегда охватывает дрожь: именно в это время начинался “проход из камеры на место казни” (с. 110). Будучи суеверным, Блэр в течение 10 лет появлялся на этой экзекуции в одних и тех же ботинках.

Блэр отвергает обвинения в отказе от кабинетного правления в пользу принятия решений узким кругом советников и приближенных лиц, получившего название “диванного”. А ведь это стало своего рода “визитной карточкой” его правления. В свое оправдание он утверждает, что лидеры, например, та же Тэтчер, всегда опирались на советников. Отсутствие управленческого опыта у его команды и незнание ею правил работы государственного аппарата Блэр оправдывает тем, что прежняя система подготовки и прохождения документов в кабинете уже давно не отвечала духу времени и нуждалась в серьезной перестройке (с. 19).

В своих мемуарах Блэр делает несколько любопытных признаний, например, что имеет неограниченные амбиции и что у него есть так называемый “мессианский комплекс” – уверенность в том, что может совершать невозможное (с. 157). Кроме того, он искренне считает, что может убедить кого угодно в чем угодно при условии, что сам в это по-настоящему верит (с. 488). Заметим, что “уверенность” экс-премьера в своих способностях вовсе не означает, что они у него на самом деле есть. Безграничная вера в способность решать любые проблемы, в том числе глобальные, зачастую приводила к тому, что премьер оказывался в неловком положении. Так, например, действовавшему вопреки рекомендациям Форин офис Блэру не удалось склонить Сирию к поддержке войны в Афганистане и осуждению борьбы палестинцев.

Поражает самонадеянность Блэра: он считает, что даже тем, кто его не любит (“совсем немногим”), кто не согласен с ним (“многим”) нравилось, что он был “крупным игроком”, лидером “не национального, а мирового масштаба”, так как британцы “предпочитают, чтобы их премьер-министры выделялись в международном плане” (с. 410). Этой же мыслью – что именно “войны делают премьер-министров популярными” он как-то поделился со своим приятелем¹².

Странно читать признание Блэра в том, что он никогда не был “страстным приверженцем деволюции” – передачи власти от центра на места, ведь деволюция была главной составной частью развернутой лейбористским правительством конституционной реформы. Блэр обращает внимание на трудности в отслеживании “перехода от националистических чувств к сепаратистским”. “Странное дело, – пишет он, – я родился в Шотландии, мои родители там выросли, мы там жили, я учился там в школе, и, тем не менее, они [шотландцы] ухитрились сделать так, чтобы я чувствовал себя чужаком” (с. 251). На собственном опыте Блэр убедился, что с националистами надо всегда очень следить за тем, что говоришь. Однажды в интервью, рассуждая о необходимости наделить шотландский парламент правом увеличивать налоги, он сказал: “Если даже

¹² *Kampfner J.* Op. cit., p. 6.

совет церковного прихода может это делать, то шотландский парламент – тем более”. На следующий день газеты Шотландии вышли с заголовками: “Блэр уподобил парламент совету церковного прихода” (с. 252).

Экс-премьер признается, что является либералом. Именно поэтому он так высоко ценит Ллойд Джорджа, Дж. Кейнса и В. Бивериджа, а также всегда уважал Р. Дженкинса – видного британского историка, члена “банды четырех”, которая в свое время расколола лейбористскую партию (с. 266).

Еще одно признание Блэра заключается в том, что он страдает своего рода технофобией. Перед встречей с Б. Гейтсом разбирающийся в технике Д. Милибенд тщательно проинструментировал премьер-министра с целью сделать его речь более продвинутой. Однако в ходе беседы решивший блеснуть Блэр так употребил новые слова, что это вызвало хихиканье присутствовавших на встрече (с. 256).

Испытывавший слабость к гламурным проектам, Блэр оправдывается по поводу строительства в Лондоне Купола тысячелетия, на сооружение которого потратили 1 млрд. ф.ст. Он вынужден признать, что министр финансов Браун был категорически против (в результате Купол тысячелетия строили не на бюджетные деньги), ответственность же за принятие этого “ошибочного” решения экс-премьер переводит на своего заместителя Прескотта, который в его отсутствие якобы добился решения этого спорного вопроса в своей традиционной “хулиганской” манере (с. 257). (По другим источникам, когда страсти накалились, Блэр демонстративно удалился, и обсуждение было прекращено, а позже членам кабинета сообщили, что решение о строительстве принято). Торжественное открытие Купола, состоявшееся 31 декабря 1999 г., было, по словам автора, организовано хуже некуда: направлявшиеся на церемонию тысячи людей, включая прессу, надолго застряли в метро, акробаты без страховки летали прямо над ложей, где сидела королева, и могли запросто упасть на Елизавету. Когда церемония, наконец, закончилась, Блэр был счастлив, что подобное случается раз в тысячелетие.

Автор сожалеет о принятии закона, запрещающего охоту на лис с гончими, который вызвал взрыв эмоций по всей стране, а сам он в результате оказался в положении загнанной лисицы. “Фатальная” ошибка, по словам Блэра, состояла в том, что он не изучил этот вопрос предварительно, поэтому не знал, что охота – это не просто охота, а традиция, часть британской истории. В конце концов из затруднительного положения вышли при помощи “британского компромисса” – запретив жестокое убийство лисиц, но не саму охоту. Когда в 2004 г. закон вступил в силу, полиции было дано распоряжение не усердствовать в преследовании его нарушителей (с. 306).

Эпизод с наделавшим много шума разговором с Бушем на саммите Большой восьмерки в Санкт-Петербурге, когда оба они не знали о включенном микрофоне и президент обращался к Блэру панибратски, тот объясняет следующим образом: “забавное” обращение говорило о “полной близости” обоих лидеров. По мнению экс-преьера, из всех, кого он знал в высших эшелонах политики, Буш менее чем кто-либо другой был склонен к грубости (с. 595). Поэтому данное обращение Блэр воспринял “как шутку”, которую, к его большому сожалению, понял лишь он один.

Что касается скандалов, которые сотрясали лейбористскую партию, автор подчеркивает: “Мы (лейбористы. – *Н.К.*) допустили большую ошибку, создав впечатление, что будем лучше тори: не только лучше управлять, но и будем лучше в моральном плане”. Персональная же ошибка Блэра состоит, по его словам, в “неспособности осознать”, что у лейбористов “тоже будут скелеты в шкафу” (с. 126–127).

Уже вскоре после прихода лейбористов к власти скандалы пошли косяком, в том числе из-за нетрадиционной ориентации некоторых членов кабинета. Следует признать, что информация о нетрадиционной ориентации кандидатов от лейбористской партии никак не мешала им избираться в парламент. Не случайно, несколько членов кабинета не стали делать из этого тайны, открыто объявив о своих предпочтениях. И все же, считает Блэр, два скандала такого рода в неделю – это было многовато. Ему приходилось реагировать, отправляя соответствующих министров в отставку. За неко-

торыми скандалами, в которых оказались замешаны люди из ближайшего окружения премьер-министра (например, П. Мэнделсон), чувствовалась опытная направляющая рука канцлера казначейства.

Есть в мемуарах Блэра и забавные эпизоды. Так, перед церемонией “целования рук” (название церемонии вступления в должность премьер-министра) Блэра предупредили, что надо не целовать руку королевы, а лишь “мягко коснуться ее губами”. Но получилось так, что он споткнулся и практически упал Елизавете на руки. Автор отмечает строгое соблюдение формальностей служащими дворца: до начала церемонии к нему обращались как к господину Блэру, и лишь после назвали премьер-министром.

Еще один забавный эпизод случился в Балморале. Королева принимала премьер-министра в гостиной. Получив предложение сесть, Блэр уже готов был погрузиться в привлекательно выглядящее кресло, как был остановлен возгласом слуги и его выразительным взглядом: оказалось, что это было любимое кресло королевы Виктории, и после нее в нем никто никогда не сидел.

Когда так называемая “банда четырех” объявила в 1981 г. о выходе из лейбористской партии, Блэр запомнил фотографию в газете с пресс-конференции раскольников – на столе стояла бутылка вина! Это его шокировало: как они могли позволить сфотографировать себя с бутылкой вина? С бутылкой пива – можно, но не вина. Для лейбористской партии (большинство скандалов в которой было связано с выпивкой. – *Н.К.*) это было ужасно (с. 90).

Блэр также вспоминает, как на похоронах Папы в Ватикане его чуть было не посадили рядом с президентом Зимбабве Мугабе (рассадка была по алфавиту). Представив, какими словами сопроводят фотографию британского премьера с Мугабе в завтрашних газетах (отношения Великобритании и Зимбабве отличались острым противостоянием в Содружестве), Блэр быстро ретировался на другое место, а на освободившееся усадили принца Чарльза. “Ну что ж, – замечает автор, – по крайней мере, королевским особам не надо избираться на выборах” (с. 521).

После выступления президента Дж. Буша на одном из заседаний саммита Большой восьмерки в Глениглс, в котором он высказался против Киотского протокола, премьер-министр Бельгии Г. Верховстадт, исполнявший на тот момент роль президента ЕС, стал возражать и поучать президента США. Буш немного опоздал на заседание и не успел со всеми познакомиться. “Кто этот парень?” – спросил он у Блэра. – “Это премьер-министр Бельгии”. – “Но Бельгия не член Большой восьмерки”. – “Конечно, нет, но он президент Европы”. – “Как, у вас бельгиец руководит Европой?” – удивился Буш (с. 557).

Блэр вспоминает добрым словом многих деятелей лейбористской партии. Своего рода “национальным достоянием”, “идеалистом и человеком принципа на фоне беспринципных депутатов” он называет многолетнего лидера левых лейбористов Т. Бенна. Но он был “проповедником, а не генералом. Проповедники же битвы не выигрывают”, отмечает автор (с. 36–37). К тому же именно Бенн, по словам Блэра, убедил партию в необходимости еще большего сдвига влево после провала на выборах 1979 г., а это было ошибкой, в результате которой лейбористы еще более оторвались от общества. Что же касается партии того времени, то бывший премьер сравнивает ее с “революционной Францией периода термидорианской реакции: внутрипартийная борьба, интриги, резкие взаимные обвинения. Членов парламентской фракции считали продажными, предателями социализма” (с. 34).

Еще одна яркая личность в партии – настоящий “бриллиант” – Д. Скиннер, “гениально” выступавший на митингах левых (добавим, что не только на митингах, но и на заседаниях Палаты общин. – *Н.К.*). Он научил Блэра разговаривать с людьми на их языке. У Дениса были “первоклассные мозги, огромное остроумие и проницательность” (с. 326).

В отношении лидера лейбористов Н. Киннока, который руководил партией “с невероятной храбростью” и “спас ее от политического угасания”, экс-премьер замечает,

что тот вышел на выборы 1987 г. с манифестом, который не пользовался поддержкой (прежде всего имеется в виду программа “Оборона и безопасность”. – *Н.К.*). У Блэра было предчувствие, что британский народ никогда не изберет Киннока премьер-министром. Он уверен, что лейбористы победили бы на выборах 1992 г., если бы партию возглавлял не Киннок, а Дж. Смит. Но когда Блэр намекнул Смиту, что пора убедить действующего лидера уйти в отставку, Джон отказался это делать (с. 50).

Экс-премьер характеризует своего предшественника на посту лидера партии как “наиболее здравомыслящего, умного и уверенного в себе человека” из всех, кого он знал. К сожалению, Смит любил выпить, что в результате закончилось трагически – в 1994 г. он скончался от сердечного приступа, освободив дорогу Блэру.

Не без иронии Блэр пишет еще об одной яркой личности в лейбористской партии, выходящей из народа, бывшем профсоюзном деятеле Дж. Прескотте, над которым изрядно поиздевались британские СМИ. Джон мог “довести до бешенства”, но никогда не был скучным и спокойным. Он был “от природы очень умен и невероятно работоспособен” (с. 325, 326). Особенностью Прескотта было то, что он, как правило, воспринимал враждебно любую инициативу “новых лейбористов”, но, к счастью, поддавался переубеждению. Он был старомоден и становился настоящим параноиком, когда имел дело с интеллектуалами. Прескотт называл Блэра и его друга Мэнделсона “компанией красавцев”, и в его устах это звучало как страшное оскорбление (с. 329). В общем, как считает автор, ему повезло, что у него был такой заместитель. Зная “любовь” Прескотта к ответам на вопросы в парламенте, Блэр частенько запугивал того своим возможным отсутствием в стране в ближайшую среду (в этом случае его замещал Прескотт). Со временем он придумал способ общения с разъяренным заместителем – надо было дать тому возможность выговориться, выпустить пар.

Прескотт терпеть не мог либерал-демократов. Однажды, в очередной раз прочитав в газете о намерении премьер-министра привлечь их в правительство, он ворвался в кабинет Блэра и стал заглядывать под стол, переворачивать мебель, приговаривая, что ищет Мензиса (Мензиса Кэмпбелла, лидера либерал-демократов. – *Н.К.*). Шокированный Блэр просто потерял дар речи. Никого не найдя и уже покидая кабинет, Прескотт повернулся и сказал: “Дай слово, что он не станет членом кабинета”. Когда Блэр дал такое обещание, тот бросил через плечо: “Просто хотел, чтобы ты знал, что я этого не потерплю” (с. 331).

Признавая, что после выборов 2005 г. против него ополчилась пресса, а также партия, но, в то же время, делая вид, что решение об уходе в отставку принимал сам, Блэр берет себе в союзники заместителя. Тот оказался замешан в скандале и оставаться на своем посту вряд ли бы смог. Увольнять Прескотта не хотелось, и вот как бы сама собой возникла идея уйти вдвоем. Это совсем не сочетается с утверждением Блэра о том, что весной 2007 г. его зам решил на демарш, пригрозив своей отставкой, если премьер не уступит свой пост Брауну (с. 328).

Говоря о покойной Мо Моулэм, министре по делам Северной Ирландии и самом популярном члене лейбористского правительства, Блэр вспоминает следующий случай, который шокировал всех присутствовавших на переговорах о будущем Ольстера, в том числе нескольких ортодоксальных ирландцев: Мо заходит в кабинет, снимает парик, садится, кладет ноги на стол и начинает рассуждать на тему, чем бы она с большим удовольствием хотела заняться вместо бессмысленных препирательств за столом переговоров. Эта картина всплыла перед глазами Блэра, когда Моулэм выразила свое намерение стать министром иностранных дел. Понятно, он категорически отменил эту идею.

О консерваторах автор высказывает следующее мнение: Мэйджор был “слабым”, пришедший ему на смену Хейг “шутил лучше, чем рассуждал”, Ховард был “оппортунистом” и, наконец, Кэмерон хотя и был “умен”, но “не понимал, в какую сторону ему двигаться” и был “не уверен не только в том, сможет ли он изменить свою партию, но и в своем желании сделать это” (с. 610, 489, 609). Блэр симпатизировал К. Кларку, считая что “тори поступили глупо, не избрав его лидером, хотя я им за это благодарен”

(с. 120). В то же время он признателен лидеру консерваторов Д. Кэмерону за то, что его последнее появление в парламенте в качестве премьера было отмечено овацией.

Автор более чем благожелательно отзывается о многих зарубежных лидерах. Так, в частности, о Цзян Цземине он сообщает читателю, что тот поразил его глубоким знанием Шекспира (с. 126). Премьер-министр Ирландской Республики Б. Ахерн со временем стал “настоящим другом”. “Он вел себя героически на протяжении всего процесса (переговоров по североирландскому урегулированию. – *Н.К.*), был находчивым, ловким в лучшем смысле этого слова, сильным и более того – свободным от оков истории”, несмотря на то, что члены его семьи сражались с англичанами в ходе знаменитого Пасхального восстания 1916 г. (с. 167).

Клинтон отличался “потрясающим интеллектом” и “невероятными аналитическими способностями”, “находился в постоянном поиске новых идей” (с. 232). Он был способен общаться с простыми людьми и любил это делать, в отличие от Блэра, который, по его словам, боялся показаться навязчивым и всегда чувствовал себя в такие моменты неуютно. Кроме того, Клинтон отличался мгновенной реакцией. Блэр вспоминает в этой связи свою первую поездку в США в 1996 г., когда он еще был лидером оппозиции. На пресс-конференции Клинтону задали вопрос, не считает ли он, что сидит рядом с будущим британским премьер-министром. Ответить отрицательно было бы оскорблением, утвердительно – ошибкой с точки зрения дипломатии. Без секунды на размышление Клинтон парировал: “По крайней мере, я надеюсь, что он сидит рядом со следующим президентом Соединенных Штатов” (с. 232, 233). Клинтон также имел “непревзойденную способность восстанавливаться”. Невозможно понять, пишет Блэр, как можно было пройти через “сагу импичмента” и не только выжить, но и сохранить рейтинг более 60% (с. 233).

Джордж Буш-младший отличался прекрасным чувством юмора, был “очень умен” (хотя в Британии его привыкли изображать полным идиотом), но “консервативен”, чем разительно отличался от “прогрессивного” Блэра, а также Билла Клинтона (с. 393). Палитра Буша была черно-белой. При этом он был “тверд и понятен, а также хорошо знал, чего хочет” (с. 394). Уже в ходе первой встречи Блэра с американским президентом в Кэмп-Дэвиде, получившей название “Колгейт саммит” (это была неудачная шутка президента, заявившего на пресс-конференции, что их с Блэром объединяет то, что они чистят зубы пастой одной марки), проявилось желание британского премьера подружиться со своим визави.

К концу своего правления Блэр полюбил Буша. Он ставил его выше всех других политических лидеров по “честности и прямоте”. Автор признает, что аудитория, в которой он произносит эти слова, как правило, бывает шокирована, а многие воспринимают это как шутку (с. 512).

Путина Блэр знал лучше Ельцина, который к концу своего правления становился “немного непредсказуемым” (с. 243). С самого начала их взаимоотношения были теплыми, со временем охладели – из-за Ирака, но более всего по причине охлаждения отношений между Россией и США. Блэр подчеркивает: “когда Россия была Советским Союзом, хотя она имела неправильные экономическую систему и систему управления, она была силой – к ней относились с уважением, даже боялись. С ней считались”. За годы перестройки “она потеряла свое положение в мире”. Ельцин был не в состоянии восстановить его, “а Путин – мог: он является националистом” (с. 244).

На пресс-конференции по итогам встречи Блэра с Путиным в апреле 2003 г., в самый разгар “иракской саги”, последний, будучи убежденным в том, что США проводят “односторонний курс”, предпринял “язвительную атаку” на британского премьера. Во время напряженной, временами на повышенных тонах дискуссии за обедом, Путин поставил вопрос так: “а что бы сказал Запад, если бы Россия действовала таким же образом против Грузии, которая является базой терроризма? Американцы считают, что могут делать все, что хотят и с кем хотят”. Согласно Блэру, он уважал Путина “за прямоту”, но “шанс создать действительно крепкое российско-американское партнерство

был упущен”. Мимоходом британский премьер признает, что США не относились к России, как к равному партнеру (с. 451).

Г. Шредера Блэр называет “крепким орешком”. “Если оставить в стороне внешнюю политику, мне нравился его радикализм во внутренней политической реформе” (с. 501). Однако отношения с германским канцлером серьезно испортились после того, как Блэр организовал оппозицию намерению Франции и Германии сделать своего ставленника президента Бельгии Г. Верховстадта президентом Еврокомиссии, продвинув вместо него Хосе Мануэля Баррозу. Шредер был “разъярен”. По мнению Блэра, германские социал-демократы “были слишком близки к России”, что же касается “новых лейбористов”, то они приближались к христианским демократам, лидер которых А. Меркель очень нравилась Блэру “как личность” (с. 539).

Жак Ширак “выглядел, как президент, говорил и вел себя, как президент”. Это не удивляет автора, так как Ширак уже был премьер-министром тогда, когда Блэр еще работал бармэнном в Париже (с. 561). Иногда французский президент отпускал неосторожные шутки по адресу британцев. Так, например, за обедом с Путиным и Шредером в ходе саммита Большой восьмерки в Глениглсе он высказался по поводу британской кухни (это одна из любимых шуток французов), заметив, что нельзя доверять людям, чья кухня настолько плоха.

Блэр считает, что у него и Николая Саркози много общего: “энергия и настойчивость, нетерпение по отношению к правым и левым, мы оба предпочитали анализировать проблемы скорее при помощи инстинкта, чем идеологии”. Он был абсолютно уверен в своей победе на президентских выборах. Когда Саркози изложил Блэру свое видение будущего Франции, Европы и мира, тот невольно воскликнул: “Вы говорите, как Наполеон”. “Спасибо”, – с серьезным видом ответил Саркози, но, взглядевшись повнимательнее в его лицо, Блэр увидел смешинки в его глазах (с. 653). Саркози также отличался некоторым “налетом высокомерия”, а еще “французской бравадой по отношению к женщинам и жизни”, что восхищало британского премьера (с. 531, 654). Он жил по принципу – “или по-моему или никак”, и в этом Блэр узнавал себя в молодости.

Если верить автору, после ратификации Лиссабонского договора Саркози хотел видеть его президентом Европейского Союза. Известно, что в процессе подготовки европейской конституции этот пост готовился британской стороной с расчетом на Блэра. Однако Блэр признает, что как у всякой “крупной фигуры” у него было много недругов в Европе, поэтому он якобы не обольщался на этот счет.

Ариэль Шарон был “необыкновенным человеком”, “настоящим лидером – жестким, бескомпромиссным”. В то же время он доводил собеседников по переговорам до белого каления своими лекциями о терроризме: “как будто мы в Британии никогда о нем не слышали”. Блэр уходил с этих встреч со словами: “Он что, принимает меня за француза?” (с. 515).

Премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю Блэр называет “самым остроумным лидером” из всех, кого он знал. Встретившись с ним впервые, будучи лидером оппозиции, Блэр попросил совета – “как победить и как управлять?” И услышал в ответ: “Продолжайте реформы Тэтчер, но избавьтесь от этого антиевропейского безумия. Я говорил Маргарет, что она на этом помешалась. Великобритания не может себе позволить быть вне Европы в современном мире. Это просто нереалистично” (с. 534).

Что касается курса Блэра в отношении Европы, лидером которой он себя позиционировал, об этом в мемуарах говорится на удивление мало. Экс-премьер сообщает, что согласился на проведение референдума по европейской конституции “с большим опасением”, понимая, что без этого не удалось бы провести ее через парламент. В Европе Блэр стремился к тому, чтобы “создавать альянсы, которые защищали бы нас против любой потенциальной франко-германской линии”, поэтому, несмотря на серьезные расхождения по поводу Ирака, общение с Шираком и Шредером не прекращалось (с. 501).

Считая антиевропейские настроения “абсурдно несовременными и нереалистичными”, Блэр все же вздохнул с облегчением, когда французы на референдуме проголосовали против конституции. Это избавило Великобританию от проведения аналогичного референдума. “Безусловно, я любил сражения, – пишет Блэр, – но правдой также было то, что, если бы я проиграл (на референдуме. – *Н.К.*), пришлось бы сказать *au revoir*” (с. 531).

Рассуждая о возможности перехода страны на евро (этот вопрос, как известно, серьезно осложнял отношения премьера и министра финансов), Блэр не вдаётся в детали своих расхождений с Брауном и ни слова не говорит о том, что по существу именно канцлер сорвал его радужные планы войти в историю в качестве премьер-министра, приведшего страну в зону евро. Вместе с тем, в противовес свидетельству Клэр Шорт, Блэр отрицает, что предлагал Брауну пост премьер-министра в обмен на согласие не чинить препятствий переходу страны на единую валюту (с. 537).

Будучи благожелательно настроенным в отношении расширения ЕС за счет Турции, Блэр считает “опасной ошибкой”, что уже после его ухода ее “твердо задвинули” (с. 540).

Говоря о нынешнем коалиционном правительстве консерваторов и либерал-демократов, автор мемуаров высказывает сомнение в сохранении коалиции, если либерал-демократы не получат желаемой ими реформы избирательной системы (с. 120). Он считает, что либерал-демократы чувствуют себя лучше в роли “честных критиков” и бегут от ответственности принятия серьезных решений.

“Идея о том, чтобы привлечь либерал-демократов к объединению социал-демократических сил рассеялась”. Окончательно лейбористы и либерал-демократы разошлись из-за позиции в отношении иракской войны. “Жаль, но возможно, это было неизбежным”, – замечает Блэр (с. 122).

По поводу Олимпийских игр, которые пройдут в Лондоне в 2012 г., Блэр сообщает, что вначале отнесся к этой идее министра культуры и спорта Т. Джоуэл с осторожностью (“а если мы проиграем и – что еще хуже – проиграем французам?”), но потом дал себя уговорить. Враждебную позицию занимало казначейство, что же касается членов кабинета, то они колебались. Британская команда, собравшаяся в Сингапуре, где проходило заседание Международного олимпийского комитета, включала в себя принца Филипа и принцессу Анну, Блэра и его супругу Шери, мэра Лондона К. Ливингстоуна. Все они обрабатывали членов Олимпийского комитета, а так как встречи проходили в режиме нон-стоп, Блэр сбился со счета и уже плохо понимал, с кем он разговаривает. Забавной была встреча с российской делегацией во главе с мэром Москвы Ю.М. Лужковым. Не вдаваясь в детали, Ливингстоун таинственно сообщил Блэру, что они “пришли к пониманию”. “Русские выглядели очень по-русски”, – пишет автор. “Есть что-то такое в группе русских мужчин, что заставляет вас желать, чтобы они были на вашей стороне... и вы сразу понимаете, почему потерпели поражение Наполеон и Гитлер” (с. 549).

Читая откровения Блэра, лишней раз убеждаешься в том, что историческое многовековое соперничество Великобритании с Францией не стало достоянием прошлого. Это прорывается всякий раз, когда он говорит о французах и их лидерах. Так и в данном контексте Блэр отмечает, что прибывший в Сингапур президент Франции Ширак вел себя так, как будто Олимпийские игры были у него в кармане. В этих условиях британская делегация взяла на вооружение следующую тактику – “мы смиренно просим разрешить нам предоставить свои услуги вашему великому движению”, одновременно она “как безумная, вела закулисные переговоры – очень по-британски”. В решающий момент сыграла роль также поддержка Берлускони. В результате выиграла Великобритания. Блэру было даже жалко Ширака, который вначале проиграл референдум по евроконституции, а затем и Олимпийские игры. “Но что бы ни говорили о Шираке, он был смел и настоящим профи”. На саммите Большой восьмерки в Глениглсе он вел себя “чрезвычайно обходительно”, поздравил как лично Блэра, так и Великобританию, “пожелал всего хорошего, сделал это с достоинством и искренне”.

“Не знаю, может, оставшись наедине, он и жевал ковер, а также стучал кулаками по полу, хотя вряд ли”, – пишет Блэр (с. 561).

Из мемуаров мы также узнаем, что в детстве Блэр терпеть не мог физику, химию, математику, биологию, о чем жестоко жалеет теперь, когда наука и ее возможности стали буквально “завораживать” его. Что зачастую в деловых поездках его сопровождала семья (супруга с новорожденным Лео и лоббировавшая интересы пенсионеров теща в качестве няни) и что он не любил путешествовать в таком составе, так как это раздражало и отвлекало от дела (не совсем понятно, правда, что мешало ему положить конец такой практике). Что важные речи он всегда писал сам, выкраивая для этого ранние утренние часы, при этом писал от руки. Что огромное каждодневное напряжение он, оказывается, снимал “традиционным” способом – с помощью выпивки. И хотя пил не так много, как Черчилль, но все же “на уровне верхнего предела: виски или джин с тоником перед обедом (но не перед ланчем), несколько бокалов вина или даже полбутылки за обедом. Не чрезмерно много. Но это стало привычкой” (с. 621). И – что удивляло всех – у Блэров не было ни домработницы, ни повара. А еще он отмечает, что Шери отличалась способностью восстанавливать против себя прессу, поэтому ее “медийный профиль” являлся “карикатурой на реальность”, но она с этим свыклась. Блэр считает неправильным, что у супруги не было штата помощников, а лишь один секретарь.

Как большинство мемуаристов Блэр о многом умалчивает, например, о том, как, опираясь на свой авторитет “примерного семьянина” и ближайшего друга, по существу сыграл главную роль в спасении президента Клинтона, замешанного в неприглядном скандале с Моникой Левински. Ему приходится опровергать очевидное – что англо-американская военная операция против Ирака “Лис пустыни” (бомбардировка 250 иракских военных объектов) была затеяна для того, чтобы отвлечь внимание от саги с Левински. Как это делается, было наглядно продемонстрировано в знаменитом американском кинофильме “Хвост виляет собакой”, где президент США в попытке отвлечь внимание общественности от секс-скандала имитирует войну с Албанией.

Блэр практически не говорит об “этичной” внешней политике. Будучи провозглашенной министром иностранных дел Р. Куком, она, как известно, вошла в противоречие с широкомасштабной продажей британских вооружений за рубеж, а ведь это была серьезная статья британского экспорта. Недовольство премьера и его окружения, помноженное на недовольство профсоюзов, опасавшихся свертывания военных контрактов и неминуемого в этом случае увеличения безработицы, сыграло немаловажную роль в том, что Кук был передвинут с поста главы Форин офис на пост лидера Палаты общин.

Блэр не вдается в детали широко разрекламированной концепции “третьего пути”, под флагом которой совершались преобразования внутри страны в первый срок его правления, а также умалчивает о многом другом.

Заключительная глава называется так – “Уход”. Экс-премьер подводит итоги своего правления: снижение преступности на 35%; сокращение срока ожидания операции до полугода; повышение школьных стандартов и увеличение ассигнований в расчете на одного ученика вдвое; самый длительный период экономического роста за более чем 200 лет; сокращение безработицы на 2,5 млн. чел.; конституционная реформа; североирландское урегулирование; рост влияния Великобритании в мире, несмотря на войну в Ираке; мощный альянс с США и превращение в ключевого игрока в Европе. Он также говорит о заделах на будущее – принятом решении модернизировать ядерный потенциал, о программе “Дороги в будущее”, одобренной кабинетом в октябре 2006 г.

Блэр наметил уйти в отставку 27 июня – после доведения до конца процесса североирландского урегулирования, саммитов Большой восьмерки и ЕС. В письме Брауну уходящий премьер предупредил его, что любое отклонение влево от “новолейбористской” программы закончится плохо как для Брауна, так и для партии. В общем, он был настроен скептически и никаких иллюзий в отношении преемника не питал.

При этом Блэр считает, что нет ничего хуже, чем лишний раз подчеркивать – “если бы он меня послушал”. Не надо плакать по убежавшему молоку! Что касается своих планов на будущее, то он подумывал остаться в парламенте: “Я знал, что у Гордона скоро возникнут проблемы, и партия не будет знать, что делать” (с. 657). В таком случае, как полагал Блэр, часть партийцев обратится к нему с просьбой вернуться, в то время как другая часть будет категорически против.

Общение с британским обществом он сравнивает с общением через толстую стеклянную стену – “они не слышали меня, и через какое-то время прекратили попытки услышать” (с. 658). А еще он проводит параллель с браком: вначале люди любили его и доверяли. Во втором сроке правления он как бы завел роман на стороне, занявшись внешними делами (сколачивал антииракскую коалицию. – *Н.К.*). “Я стал высокомерным. Мне казалось, что я перерос их, другими словами, мы разошлись, Британия оказалась мала для моих эгоистических амбиций” (с. 658). Автор сравнивает себя с Тэтчер, которая тоже вызывала сильные чувства, но в основном это касалось проводимой ею политики, в то время как Блэра ненавидели как личность. Утратив контакт с обществом, он решил покинуть британскую политическую сцену.

Что касается причин поражения лейбористов на выборах 2010 г., то он снимает ответственность за это с себя, отмечая недовольство британцев войной в Ираке и усталость избирателей от 13-летнего правления лейбористов, и возлагает ее на своего преемника. Вновь и вновь повторяется следующая мысль: «проиграли потому, что перестали быть “новыми лейбористами»» (с. 679). При этом Блэр отдает дань уважения Брауну, который правильно действовал в условиях экономического кризиса, анализируя банки, но потом якобы слишком увлекся кейнсианской идеей “государство снова в моде”. Министр финансов А. Дарлинг, по мнению Блэра, был хорошим канцлером, но не самостоятельным. Повышение налогов, прекращение реформы в области образования, отказ от введения удостоверений личности, потеря доверия со стороны бизнеса и пр. – все это, как считает экс-премьер, сыграло свою роковую роль на выборах.

* * *

В целом мемуары Блэра, в противоположность его замыслу, не производят сильного впечатления. Пожалуй, единственным плюсом является то, что он написал воспоминания сам, и это выгодно отличает его от многих других мемуаристов.

Наивно было бы ожидать от бывшего британского премьера признания ошибок, хотя бы наиболее очевидных для британской публики, например, касающихся войны в Ираке. Считая решение о вторжении правильным, он настойчиво пытается убедить в этом читателя. Может быть, Блэр по обыкновению верит, что его убежденность способна передаваться другим. Однако после всего, что мы уже знаем об обстоятельствах вовлечения Великобритании в эту войну, в том числе и благодаря расследованиям многочисленных комиссий, усилия бывшего премьера представляются тщетными. Блэр также оказался неспособным разделить ответственность за поражение на парламентских выборах 2010 г. со своим преемником.

Собственно говоря, Блэру, как он ни старался, не удалось изменить представление о себе, как о блестяще начинавшем, самом успешном лейбористском лидере, модернизовавшем партию и страну, добившимся мира в Северной Ирландии, трижды подряд победившим на парламентских выборах, но так бесславно закончившим – вынужденным уйти в отставку, если и не с позором, то в обстановке полного разочарования британцев, так веривших в него и так жестоко обманувшихся. Мечтой Блэра было “уйти до того, как тебя перестали слушать, перестали любить и начали ненавидеть” (с. 125). Судьба сыграла с ним злую шутку – он вынужден был уйти именно так, как опасался.